

Заметки писателя

В Ленинграде, на Фонтанке, есть театр. Называется он Большой драматический имени М. Горького. Руководит им Георгий Товстоногов. Сегодня этот коллектив — гость столицы. Москвичи озабочены: им надо во что бы то ни стало попасть на «Варваров» и «Карьеру Артуро Уи», на «Поднятую целину» и на комедию «Я, бабушка, Илико и Илларион». И те, кому это удастся, узнают за вечер, прожитый в зале, нечто новое, важное для себя. А после спектакля подолгу не расходятся и восторженно приветствуют артистов.

Смысл жизни театра — вот в таком воздействии на аудиторию. Думаю, не погрешу против истины, если скажу, что в этом и смысл творчества самого Товстоногова. Такое утверждение не кажется мне ни пыльным, ни громким, ибо речь идет о действительно большом советском художнике.

Был период, когда значение руководителя театра, столь высоко поднятое Станиславским и Немировичем-Данченко, Вахтанговым и Мейерхольдом, потускнело и стерлось. В этом не было ничего удивительного — в памятный период всякая самобытность вызывала настороженность. Теперь будущее коллектива, его жизнеспособность справедливо связываются с именем главного режиссера. Потому что режиссер — это репертуар, это эстетический стиль. А когда ему еще удастся окружить себя талантливыми единомышленниками, он из руководителя театра становится его создателем.

Можно ли сегодня говорить о театре Товстоногова? Да, мне кажется, можно, ибо у этого коллектива есть свои принципы — гражданские и художественные, свои требования к драматической литературе, своя тема.

Тема Большого драматического театра, как она мне представляется, — это борьба за расцвет человеческой личности, а если попытаться конкретизировать общее определение, — тема человеческой талантливости, огромных потенций, заложенных в человеке. Товстоногов обращался к писателям, самым разным, порой удивительно непохожим друг на друга, но каждый из них помогал прозвучать этой теме.

Разве не великое человеческое богатство, раскрепощенное револю-

цией, показал он в поставленной на сцене театра имени Пушкина «Оптимистической трагедии», а позже — в «Поднятой целине»? Разве не эта одержимость таланта привлекла его в володинской «Старшей сестре»? За талант Часовникова сражался он в «Океане», человеческий талант раскрыл он перед нами и в героях повести Нодара Думбадзе — колхозниках из маленькой грузинской деревни, и в странной обреченной женщине из русского уездного города начала века — Надежде Монаховой в «Варварах».

С той же страстностью режиссер отрицает все, что стоит на пути таланта, что ему враждебно и чуждо. Бездарность, ничтожество вызывают у Товстоногова интерес не сами по себе, а именно в связи с талантом, как его антитеза, как его непримиримые враги. Именно из них произрастает зло, которое в определенных исторических условиях приобретает социальный характер. Вот почему в репертуар театра включена «Карьера Артуро Уи». Спектакль вызывает в памяти наших современников прошлое для того, чтобы они еще раз вспомнили: гений и злодейство — две вещи несовместные. Попустительство преступникам преступно!

Искусство Товстоногова — партийное в подлинном смысле этого слова, воинствующее. Оно может быть и колючим, и обидным, да и как оно может быть иным, если борется за совершенство жизни и мешает всему, что в жизни несовершенно?

Круг идей, волнующих художника, выражен в яркой и точной форме.

Истинный человек театра, Товстоногов ценит успех у зрителя и хорошо знает: можно обладать самыми благородными намерениями, но если зал не захвачен действием, нравственным и идейным итог спектакля прямо противоположен этим намерениям. Ежевечерне вступая в бой за зрительское доверие, режиссер научился уважать форму как незаменимое оружие в борьбе художника за право быть выслушанным.

Однако успех режиссера, разумеется, был бы невозможен без артистов. Товстоногов воспитал таких

мастеров. Они верят ему. Он верит им. За последние несколько лет вырос в большого актера Сергей Юрский. Его разносторонности можно только поражаться. Молодой итальянец в спектакле «Синьор Марио пишет комедию», флотский офицер в «Океане», маленький чиновничек в «Варварах», элегантный гангстер в «Карьере Артуро Уи» и, наконец, пленительный, пронзающий душу Илико, старый грузинский крестьянин, — какой диапазон, какая способность к перевоплощению, какой огромный душевный багаж!

Впрочем, эта способность отличает всех ведущих актеров театра и входит в те эстетические требования, которые здесь предъявляются.

Сколько приходится видеть артистов, из года в год повторяющих себя в однотипных ролях. А тем временем Евгений Лебедев играет акцизного надзирателя Монахова, главаря бандитов Артуро Уи и деда Шукаря. Татьяна Дорониная воплощает Надю Резаеву и Надежду Монахову, Софью Фамусову и Лужку. Павел Луспекаев покоряет зрителя в Бонаре, Черкуне, Макаре Нагульнове.

Каждый из замечательных мастеров заслуживает того, чтобы о нем написали особо. Наверное, это и будет сделано. Но здесь мне казалось важным подчеркнуть, что этих непохожих друг на друга художников объединяет общность гражданских устремлений и художественного метода. Непохожие, они сходно мыслят в искусстве. Разные, они едины в творческих поисках.

Было бы неверным рассматривать успехи ленинградцев изолированно от общего театрального движения. Их победы — яркое выражение тех процессов, которые происходят во всех сферах нашей культуры. Новые интересные коллективы рождаются сейчас и в Москве, и в других городах — это веяние времени!

Но сегодня мне хочется сказать нашим гостям, что в несомненном взлете русского советского театра их роль значительна и плодотворна.

Это очень радостно, что есть на Фонтанке театр, в котором и в наши дни триумфа точных наук каждый вечер случается чудо.

Леонид ЗОРИН.

Сов. Россия, 1964, 3 июня